

The background is a textured blue. On the left, a harp's frame and strings are visible. In the center, two hands are shown in a prayerful or reverent gesture, with fingers slightly spread. The hand on top is positioned higher than the one below. The top hand has a colorful, patterned bracelet on the wrist. The bottom hand is open, palm facing up. The overall style is painterly and evocative.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПСАЛМАХ

КЛАЙВ СТЕЙПЛЗ
ЛЬЮИС

Клайв Стейплз Льюис

Размышления о псалмах

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69510784

К. С. Льюис. Размышления о псалмах: Издательство «Благовест»;

Москва; 2023

ISBN 978-5-9968-0825-0

Аннотация

«Размышления о псалмах» – одна из лучших книг Клайва Льюиса, в которой он делится своими интересными и душеполезными размышлениями о псалмах со всеми читателями Псалтири. Издание рассчитано на широкий круг православных читателей.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	5
I. Введение	8
II. Суд	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Клайв Льюис

Размышления о псалмах

© Издательство «Благовест», оформление, 2023

© Перевод, Н. Трауберг, наследники, 2023

*** * ***

Предисловие

Льюис Клайв Стейплз (1898–1963) – английский философ, некоторыми признается лучшим апологетом 20 века. С 1917 по 1954 учился, а затем преподавал в Оксфордском, с 1954 по 1963 в Кембриджском университетах, был членом Британской Академии наук. Среди его произведений можно отметить такие как «Просто христианство», «Человек отменяется, или мысли о просвещении и воспитании, особенно же о том, как учат английской словесности в старших классах», «Размышление о псалмах», «Любовь», «Письма Баламута». В письмах Льюиса есть упоминание о посещении православного богослужения, которое понравилось ему внутренней свободой участников.

Книга «Размышления о псалмах» К. С. Льюиса вышла в 1958 году. На русском языке в переводе Н. Л. Трауберг она была в первый раз опубликована в журнале «Мир Библии» (№ 1, 1994).

При осмыслении псалмов Льюис часто воспринимает их, будучи филологом, как стихи, а не трактаты или проповеди, но именно через поэзию часто намного лучше людям воспринять невидимое Божие прикосновение. Даже в самых трудных ситуациях и когда мы уходим «на страну далече» мы всё равно ощущаем пусть слабый, но голос Бога, Который всегда близок к людям-грешникам. Бог не смотрит на нас,

как на Своих врагов, как бы мы далеки от Него ни были – Он не хочет смерти ни одного грешника; Он неумолим только к греху. И чтобы искоренить наши грехи, Господь иногда прибегает к жестким врачебным средствам, которые могут нам сильно не нравиться, восприниматься болезненно, но Господь Бог имеет только одно желание – спасти Свое творение. И тот, кто любит Бога, может быть не сразу, но впоследствии обязательно это поймет – ведь любящий хочет быть с Богом, и притом быть вечно, боится потерять Его, чтобы не лишиться вечного блаженства, которое бывает только с Богом. И вот К. Льюис подчеркивает, размышляя над псалмами Давида, как псалмопевец постоянно признается в своей любви к Богу, как он тянется к Нему – так тянутся к Нему и все истинные христиане. Ведь Бог находится в центре всего – не только мироздания, творения, но и нашей личной жизни. И человек просит у Бога, чтобы Он всегда был с ним, сам стараясь при этом от Него не отлучаться. Как часто сам Давид хвалит Господа и призывает к этому всех нас! Иначе и быть не может! Как не хвалить и не превозносить Того, Кого мы любим, Кто создал нас, Кто дает нам жизнь и радость! Прославляя Бога, Источник радости и блаженства, душа наша исполняется неизреченной радостью. И через Давида нам становится понятно учение о том, что Ангелы и все святые всегда славят Бога на небесах. Льюис пишет о христоцентричности Псалтири – он не только, будучи пророком, предвозвещал будущее, но и свидетельствовал о неразрывной связи време-

ни, центром которого является воплощение Сына Божия и совершение Им дела спасения людей для вечности. Воскрес Господь, Первенец из людей, но Он воскрес для нас, для всего человечества. Его путь – это и наш путь – от страстей и страданий к славе в вечности, в которую переходит человек, вступая в общение с Богом. И это главная наша победа – то, ради чего и стоит жить на этой земле, ради чего требуется побеждать свои грехи.

Остину и Катарине Фаррер

I. Введение

Это не ученый труд. Я не гебраист, не экзегет, не археолог, не историк Древнего мира. Я пишу для неученых о том, о чем и сам не много знаю. Если мне надо просить за это прощения, я прошу его примерно так: очень часто два школьника могут помочь друг другу лучше, чем учитель. Сообщили они ему о своих затруднениях, он, как все мы помним, будет объяснять то, что они и без него знают, и то, чего они знать не хотят, но ни слова не скажет им в ответ. Я видел это с обеих сторон – я ведь учитель и сам пытался отвечать ученикам, но быстро замечал по их лицам, что и я, как мои учителя,

потерпел поражение. Соученик поможет лучше, потому что он знает меньше. Он сам недавно думал о том же, что и его друг. Учитель думал об этом так давно, что все перезабыл. Теперь он видит предмет совсем по-иному и просто понять не может, в чем затруднение. Видит он и десятки других затруднений, ученику неведомых.

И вот я пишу как любитель любителю. Я расскажу о трудностях, вставших передо мной, и о моих догадках, надеюсь, что это поможет неопытным читателям псалмов или хотя бы тронет их. Я не учу, я просто показываю тетрадь. Кто-то сказал мне, что псалмы для меня – вешалки, на которые я развесил собственные мысли. Не вижу, какой от этого вред, и если кто-нибудь так прочитает книгу, я не огорчусь. Но писал я ее не так. Все мысли, какие тут есть, вызваны чтением псалмов. Я думал о том, что вы прочитаете, и радовался тем или иным строкам или встречал строки, которым радоваться не мог.

Разные поэты слагали псалмы и в разное время. Насколько мне известно, некоторые псалмы разрешено относить ко временам Давида, а псалом 17 (который мы встречаем в немного ином виде, читая 2-ю книгу Царств, глава 22) сложен самим царем. Но есть и псалмы, сложенные после плена (который сейчас бы назвали «депортацией в Вавилон»). В ученом труде пришлось бы уточнить хронологию; в такой книге, как эта, я не должен и не вправе о ней говорить.

Зато я должен сказать, что псалмы – это стихи, причем

такие, которые пели вслух. Не трактаты, даже не проповеди, а стихи. Те, кто предлагает читать Писание «ради его литературных достоинств», хотят, вероятно, чтобы не обращали никакого внимания на его суть, сердцевину, центр. Мне кажется, это бессмысленно. Однако их совет можно толковать иначе: Писание – это книга, и потому, читая его, мы поневоле входим в область словесности. В нем есть разные жанры. Псалмы – это лирика со всеми ее условностями, гиперболоми, внелогическими сочетаниями слов. Если об этом не помнить, псалмов не поймешь; увидишь в них то, чего в них нет, и проглядишь главное.

Очень важную особенность их формы можно сохранить в переводе. Это – так называемые параллелизмы: одно и то же сказано дважды, по-разному: «Живущий на небесах посмеется, Господь поругается им» (2, 4); «И выведет, как свет, правду твою, и справедливость твою, как полдень» (36, 6). Если читатель не видит, что это – прием, он станет думать, в чем же разница, и в конце концов ее выдумает (так делали в старину многие проповедники), или просто устанет, или удивится.

На самом же деле этот прием воплощает суть искусства. Кто-то сказал, что искусство – это «то же самое, но иначе». Танцуя народный танец, вы делаете три прыжка вправо и три таких же прыжка влево. Если в здании есть левое крыло, в нем есть и правое. В музыке можно сказать ABC, потом abc, потом альфа/бета/гамма. «Параллелизм» – характерная для

древних евреев разновидность «того же самого, но иначе»; однако встречается он и в Англии. Очень хороший пример – в детской рождественской песенке: «Иосиф – старик, он старый человек».

Конечно, прием этот не всегда выступает в таком простом виде. Иногда его заметишь не сразу, как прикровенную симметрию хорошей картины. Но сейчас мне важен сам факт, само наличие такого приема. Какая удача, нет – какой дар Промысла, что у стихов, которые должны были прозвучать на всех языках, сохраняется в переводе главная особенность формы!

Если вы хоть немного чувствуете стихи, эта особенность вас обрадует. Если же не чувствуете, то ощутите к ней почтение: она радовала Христа, Он любил ее и употреблял. «Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Мф. 7,2).

«Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам» (Мф. 7, 7). Можете считать, что цель тут – практическая, учительная: Господь облакает Свои речения в такую ритмическую, почти напевную форму, что их просто невозможно забыть. Но я думаю, что это не все. Когда Тот, Кто замыслил Себе и нам на радость прекрасный, как стихи, мир, умалился до человеческой речи, речь эта неизбежно стала подобной стихам. Ведь поэзия – малое Воплощение, она дает плоть невидимому и неслышимому доселе.

И еще, я думаю, нам не повредит, если мы вспомним,

что, вочеловечившись, Иисус принял благое бремя наследственности и детских впечатлений. Он перенял эту поэтическую форму хотя бы от Своей Матери. Смотрите: «...призрел Он на смирение рабы Своей... сотворил Мне величие Сильный... явил силу мышцы Своей; рассеял надменных... низложил сильных с престолов» (Лк. 1,48–52). Прием этот применен здесь тоньше, чем в псалмах, но он есть. (Скажу, наконец: только ли в этом Он был похож на Нее? Не кажется ли вам, что в трогательном Magnificat есть и суровая сила Деворы, которой не найдешь в наших нежных Мадоннах? Я думаю часто, что жизнь Святого Семейства была, конечно, и мирной, и кроткой, но не совсем в том смысле, какой придают этим словам авторы церковных гимнов. Не было ли в ней и напряженной печали, и резкой деревенской прямооты, неприятно поражавшей иерусалимских горожан?)

Даже на своем, любительском уровне я не собираюсь «охватить предмет». Я буду говорить только о том, что задело меня самого. Об исторических псалмах я ничего не скажу – и потому, что они меньше для меня значили, и потому, что они, наверное, вызывают меньше вопросов. Начну же я с того, что больше всего отталкивает современного читателя Псалтири. Наше поколение приучено получать все готовеньким, как дети; добрые, старинные няни давали сперва то, что есть труднее, а сладкое – в самом конце.

Всякому читателю станет ясно, что это – не так называемая «апология». В этой книге я не убеждаю неверующих в

истинности нашей веры. Я обращаюсь к верующим или хотя бы к тем, кто открыл Псалтирь, чтобы подкрепить свою зарождающуюся веру. Нельзя непрестанно защищать истину, надо и насладиться ею.

И последнее: я старался, как мог, избежать конфессиональных распрей. В одном месте мне пришлось объяснить, в чем я не согласен и с католиками, и с протестантами; надеюсь, читатель не подумает, что я «вообще против» тех или других. Еще я надеюсь, что ни тех ни других не обидел; но здесь, собственно говоря, бояться нечего. Опыт показал мне, что обижаются и оскорбляются не сильно верующие люди и даже не атеисты, а те, кто верит как бы наполовину. Вот их не умиришь никакими оговорками, не обезоружишь кротостью. Но я ведь, наверное, гораздо неприятней, чем мне самому кажется. (Быть может, в чистилище мы увидим свои лица и услышим свой голос?)

II. Суд

Христианин трепещет при мысли о Божием суде. День суда для нас – день гнева. Мы молим Бога помиловать нас в час смерти и в день суда, мы просим о добром ответе на «страшном судилище Христовом». Христианское искусство столетиями изображало его ужасы, и мотив этот восходит к словам Самого Спасителя, особенно – к страшной притче об овцах и козлах. Ничья совесть не останется к ней глухой, ибо грехи «козлов» не в том, что они делали, а в том, чего *не сделали*; кто не ужаснется, когда ему твердо говорят, что самое тяжкое обвинение против каждого из нас основано на

вещах, которые, быть может, нам и в голову не приходили!

Поэтому я очень удивился, заметив впервые, как говорят псалмопевцы о Божием суде. Говорят они так: «Да веселятся и радуются племена! Ибо Ты судишь народы праведно» (66, 5). «Да радуется поле и все, что на нем, и да ликуют все деревья дубравные пред лицом Господа; ибо идет, ибо идет судить землю» (95, 12–13). Люди радуются суду, просят о нем: «Суди меня по правде Твоей, Господи, Боже мой» (34, 24).

Скоро я начал понимать, в чем тут дело. Ветхозаветные люди, как и мы, представляли Господень суд в образе земного суда. Но мы, христиане, видим на скамье подсудимых себя самих, иудеи же видели там своих обидчиков, а себя считали истцами. Мы надеемся на оправдание, то есть хотим, чтобы суд был помилостивее; им нужно, чтобы суд судил строго. В притче об овцах и козлах Христос говорит «по-нашему», но есть и тексты, предполагающие иудейский образ суда. Вдумайтесь в притчу о судье неправедном. Мы представляем себе кого-то вроде члена немецких трибуналов – человека, кричащего на свидетелей и осуждающего невинных, к которому мы надеемся никогда не попасть. Но судья из притчи – совсем другой. Вы не предстанете перед ним, если не хотите, трудность совсем иная – трудно к нему попасть. Богатый и сильный сосед забрал у вдовы крохотный участок (Лк. 18, 1–5), где только и поставишь насест или сарай (сейчас «соперником» стали бы городские власти, планирующие новый район). Она знает, что это – беззаконие. Если ей удаст-

ся подать жалобу, она выиграет дело. Но никто не желает ее слушать. Удивительно ли, что она хочет суда?

Мы это плохо себе представляем, потому что иначе живем, но так жили много веков во всем мире. Почти всегда и везде «маленькому человеку» было очень трудно подать иск. Надо было подкупить судью и еще человек двух, преграждавших к нему путь. Наши судьи не берут взятку (мы слишком привыкли к этому и не радуемся, а зря – само собой это не продержится), поэтому не нам удивляться, что псалмопевцы и пророки непрестанно просят суда и весть о нем для них – благая весть. Еще бы! Ведь только тогда добьется правды неисчислимое множество несправедливо обиженных людей. Конечно, они суда не боятся. Они знают, что дело их – правое. Но кто их выслушает, пока не придет Бог?

Это будет еще яснее, когда мы прочитаем соответствующие места в псалмах. В псалме 9 говорится, что Бог «будет судить вселенную по правде» (9), ибо Он «не забывает вопля угнетенных» (13). Он – судья вдов (67, 6), то есть не *осуждает* их, а *защищает*. Добрый царь псалма 71 «судит праведно людей Твоих (т. е. Божьих) и нищих Твоих на суде»; Он «судит нищих народа», «спасет сынов убогого и смирит притеснителя» (2,4). В псалме 75 «восстал Бог на суд, чтобы спасти всех угнетенных земли» (ю) – всех забитых, беспомощных бедняков, не дождавшихся правого суда от человеческих судей. Когда Господь обвиняет этих судей в 81 псалме, Он говорит: «Давайте суд бедному и сироте; угнетенному

и нищему оказывайте справедливость. Избавляйте бедного и нищего» (3–4).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.